

Панченко Юрий Юрьевич

О ТРАДИЦИОННОЙ ОППОЗИЦИИ КВАРТАЛОВ ЯМАНОТЭ И СИТАМАТИ В СОЦИАЛЬНОЙ И ЯЗЫКОВОЙ ЖИЗНИ ЭДО И ТОКИО

Статья посвящена анализу роли кварталов Яманотэ и Ситамати в жизни эдоского (и токийского) общества и в процессе формирования и функционирования токийского диалекта. В результате рассмотрения кварталов Яманотэ и Ситамати с исторической, географической и лингвистической точек зрения нам удалось проследить, каким образом их взаимодействие приводило к развитию токийского диалекта в первой половине XVII - первой половине XX в. Для этой цели были привлечены различные исторические и языковые материалы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/7-1/38.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 7(73): в 3-х ч. Ч. 1. С. 141-144. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.521

Статья посвящена анализу роли кварталов Яманотэ и Ситамати в жизни эдоского (и токийского) общества и в процессе формирования и функционирования токийского диалекта. В результате рассмотрения кварталов Яманотэ и Ситамати с исторической, географической и лингвистической точек зрения нам удалось проследить, каким образом их взаимодействие приводило к развитию токийского диалекта в первой половине XVII – первой половине XX в. Для этой цели были привлечены различные исторические и языковые материалы.

Ключевые слова и фразы: эдоский диалект; токийский диалект; диалект Яманотэ; диалект Ситамати; японская диалектология.

Панченко Юрий Юрьевич

Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
panyurij@hotmail.com

О ТРАДИЦИОННОЙ ОППОЗИЦИИ КВАРТАЛОВ ЯМАНОТЭ И СИТАМАТИ В СОЦИАЛЬНОЙ И ЯЗЫКОВОЙ ЖИЗНИ ЭДО И ТОКИО

Одной из основных особенностей языковой ситуации в Токио с момента основания в Эдо (старое название города) ставки сёгуната в 1603 г. до поражения Японии во Второй мировой войне являлось противопоставление территориальных диалектов двух частей города – кварталов Яманотэ и Ситамати, – которое носило как территориальный, так и социальный характер [2, с. 122]. Это противопоставление начало обозначаться уже в начале XVII в. и достигло своего апогея к середине XIX в.

Следует отметить, что географические особенности Эдо (его разделение на нагорную и прибрежную части) способствовали формированию внутри города двух отдельных диалектных систем. А поскольку городское строительство в Эдо происходило со строгим учётом рельефных особенностей местности, фактически были созданы условия для укрепления, консервации и длительного существования диалектов обеих частей города.

В XVII в. в северо-западной части Эдо, в области, приблизительно соответствующей пространству, в настоящее время ограниченному кольцом наземной линии метро Яманотэ, начинают строиться поместья аристократов, чиновников, высшей знати. Юго-восточную же часть города занимают кварталы торговцев, ремесленников и других простых горожан. Поскольку северо-западные районы Эдо располагались на холмах восточной части плато Мусасино, эта область города получила название *Yamanote* (букв. «сторона гор»). По отношению к ней юго-восточные районы, многие из которых возникли вдоль берегов реки Сумида и на засыпанных территориях Токийского залива, назывались *Umita* (букв. «сторона моря»). Так как эти районы находились восточнее Эдоского замка, они также назывались *Shiroshitamachi* «город внизу замка». В начале XIX века (в период Бунсэй) в *Gofunaibiko*: (топографическое описание Эдо, изданное в 1826 г.) уже встречается сокращённый термин *Shitamachi* «нижний город». Для постройки некоторых районов Ситамати (например, Канда) пришлось даже сравнять с землёй нагорья Канда и Суруга, а также части нагорья Мусасино, что позволяет в некотором смысле говорить о Ситамати как о «нижней» части города.

Кварталы Ситамати благодаря своей относительно развитой инфраструктуре, хорошо приспособленной для торговли, представляли собой центр городской жизни в Эдо, являлись центром экономической и культурной активности населения [1, с. 8]. Именно поэтому нередко были случаи, когда оба понятия смешивались, и говорящие под словом «Эдо» подразумевали Ситамати. Эдосцы, родившиеся в Ситамати, зачастую считались истинными *Edokko* («жителями Эдо»). Однако, разумеется, поскольку кварталы Яманотэ также составляли часть Эдо, оба названия следует чётко различать. Вследствие, по сути, закреплённого социально-профессионального состава населения, большая часть которого происходила из восточных провинций или, будучи родом из Эдо, тем не менее, активно взаимодействовала (например, во время торговли) с соседними провинциями, в языке жителей Ситамати сохранялись многие исконные эдоские языковые особенности, также в той или иной степени присущие диалектам восточной Японии.

Кварталы Яманотэ находились в верхней, нагорной части Эдо к западу от Эдоского замка и в восточной части равнины Мусасино. Однако территория Яманотэ была далека от плоской и равнинной, представляя собой семь холмов: Уэно, Хонго, Коисикава-Мэдзиро, Усигомэ, Ёцуя-Ко:дзимати, Акасака-Адзабу и Сиба-Сироганэ, разделённых лабиринтом долин, испещрённых многочисленными реками. Теперь все эти районы входят в состав Токио. Такие географические условия привели к тому, что кварталы Яманотэ представляли собой систему возвышенностей и низменностей с сетью дорог, пролегающих как через холмы, так и через долины, что впоследствии обусловило модель его дальнейшего городского (и языкового) развития.

Сёгуны Токугава охотно жаловали земли в нагорной части Яманотэ самурайскому сословию. Князья *даймё*, приезжающие в Эдо на год раз в два года по системе *sankin ko:tai*¹, как правило, помимо резиденции рядом с центром города, имели одну или две в нагорной части Яманотэ.

В долинах Яманотэ находились деревни, соединённые дорогами, проходящими через холмы. Здесь, в основном, проживали ремесленники, речь которых, скорее, следует рассматривать как принадлежащую Ситамати. Фактически это даёт право говорить о наличии некоторого продолжения Ситамати на территории Яманотэ, что впоследствии также станет одним из факторов взаимодействия диалектов обоих районов.

¹ *Sankin ko:tai* – система принудительных командировок, которая обязывала князей различных провинций периодически прибывать на службу в ставку сёгуната Токугава в Эдо и проводить там определённое время (обычно год через два).

Рассмотренное географическое и социально-профессиональное разделение кварталов Яманотэ и Ситамати способствовало формированию и закреплению в обеих частях города собственных языковых форм, которые, тем не менее, взаимодействовали между собой в результате торговых и повседневных контактов населения.

Территориальные границы как Яманотэ, так и Ситамати не были постоянными, и с течением времени обе части города расширялись: так, после Великого пожара эпохи Мэйрэки в 1657 г. поместья *хатамото* (непосредственных воинов-вассалов сёгуна) выходят за границы нагорной части города и достигают границ районов Бантё, Канда и Хондзё. Ситамати тоже начинает укрупняться, и к уже входящим в его состав районам Кё:баси, Нихомбаси и Канда в начале эпохи Мэйдзи присоединяются районы Ситая и Асакуса, в эпоху Тайсё – Фукагава, Хондзё и Сиба.

До конца Второй мировой войны различие между Яманотэ и Ситамати было очень существенным и проявлялось не только в языковых вариантах, используемых в обеих частях города, но и в образе жизни, повседневных привычках, доходя даже до манеры ношения кимоно и его узора. Жители Ситамати презрительно называли жителей Яманотэ *note* (сокращение от *Yamanote*), а те, в свою очередь, называли первых *machikko* (букв. «горожанин»). Наиболее остро такое противостояние ощущалось в конце XIX века, накануне реставрации Мэйдзи, поскольку обычные горожане (торговцы, ремесленники), большинство которых проживало в Ситамати, были недовольны сложившейся в Эдо после войны Босин¹ ситуацией, при которой ключевые посты в администрации заняли почти исключительно выходцы из южных и западных провинций Сацума, Тёсю, Тоса (совр. преф. Кагосима, Ямагути и Коти соответственно) и имевшие поместья в кварталах Яманотэ.

Согласно статистике 1881 г. (*Chiyoda-ku-shi* «История района Тиёда»), в квартале Ко:дзимати (Яманотэ) проживало большое количество знати и особенно воинского сословия (39%), в то время как в Канда (Ситамати) значительно преобладало простое население (87%). Среди воинского сословия Ко:дзимати было также много временного населения (53%), пришедшего в Токио либо уже на чиновничьи посты, либо в надежде на их получение. В Канда же приток населения из других регионов был не настолько значителен (28%) (приводится по: [5, р. 6]).

В Ситамати располагалось большое количество разнообразных народных театров, которые способствовали сохранению специфически эдоских языковых единиц, благодаря тому что представления проходили на языке, понятном широкой публике. Многие слова, имеющие какое-либо отношение к театральной теме, были гораздо более привычны и знакомы жителям Ситамати, нежели Яманотэ: даже с точки зрения интонации имена рассказчиков произносились в обеих частях города по-разному: *ryuUKYOO*, *siNSYOO* в Ситамати и *RYUukyoo*, *SInsyoo* в Яманотэ [Ibidem]. А, по мнению некоторых исследователей, именно интонационный контур с повышением на втором слоге характерен для слов, считающихся токийцами наиболее близкими и родными [7, р. 179].

С наступлением эпохи Мэйдзи (1868-1912) в общественной жизни Эдо происходят серьёзные изменения. В эпоху Эдо в районе Яманотэ находилось большое число самурайских поместий, однако теперь вместе с разрушением привычного сословного уклада общества самурайское сословие утратило престиж и высокий социальный статус, в результате чего численность самураев начала постепенно сокращаться. В это же время в Яманотэ устраивают свои резиденции торговцы из Ситамати, чиновники и военные – выходцы из регионов [3, с. 250].

Богатые токийцы, имеющие детей, предпочитали также устраивать резиденции в спокойном Яманотэ. Для этого имелось достаточно много возможностей, учитывая большое количество опустевших самурайских поместий. Конечно, не все самураи покинули Яманотэ. Некоторые из них перешли на государственную службу, однако их доля в населении Яманотэ оставалась незначительной.

Несмотря на то, что в Яманотэ вплоть до окончания Второй мировой войны проживали аристократы и крупные чиновники, демографическая ситуация в Яманотэ была достаточно пёстрой: здесь также начали селиться простые горожане, ранее жившие в Ситамати. Под влиянием коммуникации между коренными жителями Яманотэ и вновь прибывшими горожанами происходит формирование т.н. *Yamanote kotoba* «язык Яманотэ».

Естественно, что языковые формы, использовавшиеся в речи самурайского сословия в эпоху Эдо, были унаследованы жителями Яманотэ и продолжали встречаться в их речи. Это даёт возможность некоторым исследователям говорить о тождестве между языком Яманотэ и языком военного сословия эпохи Эдо. Однако с этим утверждением трудно согласиться по ряду причин. Во-первых, к концу эпохи Эдо самурайское сословие потеряло былой авторитет, что также отразилось и на восприятии обществом их языка, который перестал рассматриваться как атрибут высокого социального статуса. Напротив, язык городской интеллигенции, вышедшей на первый план в эпоху Мэйдзи, подвергшись в прошлом значительному влиянию *O-yashiki kotoba* «язык поместий» (языковые формы, употреблявшиеся в основном женщинами в самурайских поместьях), сохранял собственные черты, и представлял собой в некотором смысле стандартизованное образование.

Второй причиной, не позволяющей отождествить языки Яманотэ и самураев эпохи Эдо, являются значительные различия между ними, что подтверждают письменные памятники эпохи Эдо. Многими исследователями отмечается не только отсутствие развитой системы вежливых форм в языке самураев, но и его несистематизированность [4, р. 13; 10, р. 24]. Например, отсутствующие в языке воинов связка *desu* и вежливые глагольные формы с суффиксом *-masu*. Эти формы свободно употребляли горожане Эдо в последние годы сёгуната, и наличие их в языке Яманотэ свидетельствует о большом влиянии на него языка городского населения Эдо. Также можно отметить большее использование в языке самураев форм столичного диалекта, например, широко распространённое явление *u-ombin* (ассимиляция, характерная для западных диалектов, при которой наблюдается удлинение гласного при образовании форм простого прошедшего времени и деепричастия предшествования), которые в языке Яманотэ уже не встречаются.

¹ *Война Босин (1868-1869)* – гражданская война между сторонниками сёгуната Токугава и проимператорскими силами в Японии. На стороне императора выступили многие даймё южных и западных провинций (Сацума, Тёсю, Тоса).

Кроме того, в языке Яманотэ существовали специфичные формы, уходящие корнями в эдоское *yu:rigo* («язык весёлых кварталов»). По-видимому, особенно характерная для Яманотэ форма *zamasu*, благодаря которой диалект Яманотэ иногда называют *zamasu kotoba* «язык *дзамасу*», развилась в конце эпохи Эдо как раз из арго куртизанок. Например, *Ii koto za:masu wa* – «Как это хорошо!»

По всей видимости, можно говорить о некотором параллелизме в языковом и бытовом поведении между высокообразованными интеллигентными женщинами Яманотэ и женщинами увеселительных кварталов и поместий. Женщины Яманотэ, стремясь сохранить высокий статус и престижность своего района, сознательно прибегали к языку поместий и куртизанок и тем самым противопоставляли себя остальной части общества.

Популярная в Яманотэ аналитическая вежливая форма со вспомогательным глаголом *asobasu* уходит корнями в *yu:rigo* и *o-yashiki kotoba*: пришедшие на службу в поместье девушки должны были обязательно овладеть специфическими женскими языковыми формами *asobase kotoba* (использование вежливого вспомогательного глагола *asobasu*: *O-ide asobase* «Добро пожаловать», *O-iki asobase* «Идите») и *yamato kotoba* (изысканные языковые единицы, уходящие корнями в язык высшей аристократии эпохи Хэйан). По возвращении из поместий эти девушки приносили усвоенные там формы в язык обычных эдоских горожан, где эти формы получали распространение [9, p. 102].

Таким образом, можно сделать вывод, что диалект Яманотэ, формировавшийся на базе языка самурайского сословия, не является ему тождественным, поскольку, во-первых, он включал в себя различные элементы *yu:rigo* и *o-yashiki kotoba* (не свойственные языку самураев), а во-вторых, подвергался влиянию языка городского населения Эдо.

По утверждению Мацумура Акира, об окончательном оформлении языка Яманотэ, территориально и социально противопоставленного языку Ситамати, можно говорить, видимо, к 80-м годам XIX века [11, p. 65]. К этому времени между двумя диалектами оформились заметные различия: например, для выражения причины в Яманотэ использовался союз *node*, а в Ситамати – *kara* (возможно, именно по этой причине японцами отмечается большая степень вежливости первого, что связано с восприятием жителей Яманотэ как более культурных и образованных). Для указания на направление движения жители Яманотэ употребляли чаще послелог *ni*, а жители Ситамати – *e*. Различными были и стяжённые формы завершённого вида: с суффиксом *-chau* в Яманотэ и *-chimau* в Ситамати. Здесь проявляется также взаимодействие между двумя диалектами в первой половине XX в. Дело в том, что форма *-chimatta* в начале начала употреблялась в Яманотэ, а затем уже из неё развилась форма *-chatta*, которая начала вытеснять *-chimatta* из Яманотэ в Ситамати, что и обусловило частое употребление последней в речи жителей Ситамати и её восприятие как характерной черты диалекта Ситамати. Форма *-chatta* же, заняв позицию *-chimatta*, постепенно также распространилась и в Ситамати, практически полностью вытеснив *-chimatta* уже и оттуда.

Между двумя диалектами существовали также различия в области акцентуации: например, уже упомянутые различия в словах, имеющих отношение к театральной сфере.

В качестве примера можно также привести типичное для традиционного токийского диалекта частое произнесение аффрикаты [ç] вместо [h] перед гласными переднего ряда, т.е. слоги *hi*, *hyaku* и т.п. реализуются в речи некоторых токийцев как *shi* [çi], *shaku* [çaku]. Проведённый нами анализ словаря токийского диалекта [8] на степень употребительности вариантов слов с различием этих слогов и с их неразличием позволяет сделать вывод, что это диалектное явление в гораздо большей степени характерно для Ситамати, где некоторые единицы употребляются до сих пор (хотя многие из них исчезли из живой разговорной речи). В Яманотэ же присутствует в основном исключительно пассивное знание таких форм, и активно здесь ими не пользуются.

Таким образом, отчётливо видно, что между диалектами Ситамати и Яманотэ существовали различия на всех уровнях языковой системы.

Распространено мнение, что диалект Ситамати представляет собой грубую речь ремесленного и торгового населения Токио [11, p. 66]. Однако это не так, поскольку, во-первых, в этом диалекте также существовала своя стилистическая дифференциация, соответствующая верхнему, среднему и нижнему классу городского населения. Например, суффикс *-bei* считался вульгарным даже среди горожан и в основном встречался в речи ремесленников. Во-вторых, среди эдоских горожан существовало чёткое представление о том, какие формы употреблять при разговоре с тем или иным лицом. В «*Ukiyoburo*» («Баня брэнного мира») Сикитэй Самба приводит пример, где один и тот же горожанин в зависимости от статуса собеседника без усилий переходит с *ome*: (грубо) «ты» и *mine*: (грубо) «не смотрю» на *omae* «ты» и *minai* «не смотрю» [Ibidem, p. 70].

Повсеместно укоренившееся искажённое представление о грубости диалекта Ситамати идёт, видимо, от *roppo*: *kotoba* (арго девиантной молодёжи Эдо), базировавшегося на кантоских диалектах. Из него пришли в общий язык слова *tsunnomeru* «пасть ничком», *hittakuru* «вырвать, выхватить», *utcharu* «бросить, оставить». В речи популярных актёров Кабуки, подражавших роппо, также встречались многочисленные элементы кантоских диалектов, например, форма предположительного наклонения с формантом *-bei*, экспрессивная частица *mosa*. Такие формы воспринимались как крайне грубые, высокомерные и сознательно использовались актёрами в пьесах.

Под диалектом же Ситамати обычно подразумеваются языковые формы, использовавшиеся не роппо, а в основном владельцами и арендодателями помещений, которые в то время часто посещали различные культурные мероприятия, слушали *ракуго*, буддийские проповеди и, следовательно, были достаточно образованными. Именно их язык составил основу диалекта Ситамати. Грубыми же формами пользовались обычно жильцы *урадана* (дома, фасад которых не выходил на главную дорогу), где обычно селились мелкие лавочники и ремесленники.

Из приведённых рассуждений хорошо видно, что языковые формы, употреблявшиеся в Яманотэ и Ситамати, во многом носили социальный характер, выступая маркером не только территориального происхождения человека, но и рода его занятий. В некоторых районах Яманотэ, где жили в основном торговцы, также можно было услышать диалект Ситамати, несмотря на географическую принадлежность таких районов к Яманотэ.

Например, в беседе с уличным музыкантом в районе Адзабу в его речи отмечается большое количество восточнояпонского происхождения (являющихся элементами диалекта Ситамати) и совершенно не характерных для диалекта Адзабу – квартала, традиционно считающегося частью Яманотэ:

(1) *Ato kara kita shito (<hito) ga o:i.* [6, p. 118]. / «Много людей, пришедших уже после».

Форма *shito* вместо *hito* не характерна для Яманотэ, куда относится район Адзабу, но, наоборот, считается отличительной чертой диалекта Ситамати.

С течением времени социальный характер оппозиции Яманотэ и Ситамати всё более усиливался, что дало повод Накамура Митию в «*Tokyo-go no keisei*» («Становление токийского языка») 1941 г. прямо утверждать, что «к настоящему времени противопоставление Яманотэ-Ситамати носит не территориальный, а скорее, социальный характер» [Цит. по: 5, p. 7].

Такое противопоставление диалектов Ситамати и Яманотэ, длившееся на протяжении эпох Мэйдзи (1868-1912) и Тайсё (1912-1926), сохранялось вплоть до Великого землетрясения Канто 1 сентября 1923 г. и бомбардировки Токио 10 марта 1945 г., после которых Ситамати превращается в деловой квартал Токио, и традиционный диалект Ситамати начинает стремительно исчезать [11, p. 204].

Однако, несмотря на это, многие элементы традиционного диалекта Ситамати вошли в состав различных функциональных стилей как общего языка *kyo:tsu:go*, так и токийского диалекта. Наибольшее их количество теперь является элементами просторечного стиля общего языка и формирует т.н. общепонское просторечие.

Таким образом, можно сделать вывод, что традиционная языковая оппозиция кварталов Яманотэ и Ситамати на протяжении рассматриваемого периода являлась главным фактором, повлиявшим на развитие токийского диалекта и вместе с ним общего языка. В определённой степени это влияние прослеживается и в настоящее время.

Список источников

1. Алпатов В. М. Япония: язык и общество. М.: Культура народов Востока, 2003. 208 с.
2. Быкова С. А. Общий язык в Японии и его территориальные особенности. // Вестник Ярославского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2013. № 2. С. 122-125.
3. Стрельцов Д. В. История Японии. М.: Аспект-пресс, 2015. 560 с.
4. Tanaka A. The Formation of Standard Japanese // 学習院大学文学部研究年報. 1998. Vol. 44. P. 1-16. (Танака А. Образование стандартного японского языка // Ежегодник филологического факультета университета Гакусюин. 1998. Т. 44. С. 1-16.)
5. 秋永一枝. 日本の言葉シリーズ13. 東京都の言葉. 東京: 明治書院, 2007. 262 p. (Акинага К. Серия «языки Японии». Токио: Мэйдзи сёин, 2007. Т. 13. Язык Токио. 262 с.)
6. 秋永一枝. 東京弁は生きていた. 東京: 羊書房, 2001. 240 p. (Акинага К. Токийский диалект существовал. Токио: Хицудзи сёбо, 2001. 240 с.)
7. 井上史雄. 日本語ウォッチング. 東京: 岩波書店, 1998. 216 p. (Иноуэ Ф. Наблюдение за японский языком. Токио: Иванами сётэн, 1998. 216 с.)
8. 井上史雄, 金端 伸江. 東京言葉辞典. 東京: 明治書院, 2012. 528 p. (Иноуэ Ф., Канэхата Н. Словарь токийского языка. Токио: Мэйдзи сёин, 2012. 528 с.)
9. 松永修一. いわゆるザーマスコトバの使用と音声的特長の一考察 // アクセント史資料研究会論集. 東京: 早稲田大学, 2007. Т. 3. P. 101-110. (Мацунага С. Опыт анализа употребления и фонетических особенностей «дзямасу котоба» // Сборник материалов конференции по истории акцентной системы японского языка. Токио: Изд-во университета Васэда, 2007. Т. 3. С. 101-110.)
10. 水原明人. 江戸語、東京語、標準語. 東京: 講談社, 1994. 232 p. (Мидзухара А. Язык Эдо, язык Токио и стандартный японский язык. Токио: Коданся, 1994. 232 с.)
11. 田中章夫, 清水康行, 秋永一枝, 鮎澤孝子, シュテファン・カイザー, 磯村 尚徳, 久野マリ子. 東京語の行方. 東京: 東京堂出版, 1996. 302 p. (Танака А., Симидзу Я., Акинага К., Аюсава Т., Кайзер Ш., Исомура Х., Куно М. Позиции токийского языка. Токио: Токёдо сёппан, 1996. 302 с.)

ON TRADITIONAL OPPOSITION OF YAMANOTE AND SHITAMACHI DISTRICTS IN THE SOCIAL AND LINGUISTIC LIFE OF EDO AND TOKYO

Panchenko Yurii Yur'evich

Institute of Asian and African Countries of the Lomonosov Moscow State University
panyurij@hotmail.com

The article is devoted to analyzing the role of Yamanote and Shitamachi districts in the life of Edo and Tokyo community in general and in the process of formation and functioning of Tokyo dialect in particular. Having analyzed Yamanote and Shitamachi districts from the historical, geographical and linguistic viewpoints the author shows how their interaction stimulated Tokyo dialect development in the first half of the XVII – the first half of the XX century. The study involves the wide range of historical and linguistic materials.

Key words and phrases: Edo dialect; Tokyo dialect; Yamanote dialect; Shitamachi dialect; Japanese dialectology.